

УДК 930:27

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1940-Х ГОДОВ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «СТАРЫХ» И «НОВЫХ» КЛАССИКОВ¹

О. В. Метель

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 644123, г. Омск, ул. Дмитриева ³/₄, кв. 52
olgametel@yandex.ru

Изучается проблема взаимодействия «старых» и «новых» классиков в советской исторической науке на примере реализации стратегий присвоения, характерных для А. Б. Рановича и Р. Ю. Виппера. Делается вывод о том, что указанные историки стремились легитимировать свои взгляды, опираясь на авторитет друг друга и тем самым укрепляя свое положение в отечественной исторической науке.

Ключевые слова: историография советская, персоналии отечественных историков, научная классика, первохристианство.

Проблема взаимоотношений советской и дореволюционной историографии традиционно привлекает внимание отечественных историографов, стремившихся проследить линии преемственности и разрывов как на концептуальном, так и на антропологическом уровне [Корзун, 2001; Сидорова, 2008; Свешников, 2010]. Однако указанная проблематика не подвергалась детальному рассмотрению с точки зрения использования концепта «классика», эвристический потенциал которого, с нашей точки зрения, весьма высок. Следуя за И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым, мы будем понимать под «классикой» в науке «...набор идей, выработанных в прошлом, сохраняющих свою актуальность в настоящем и выступающих в качестве основы современных представлений и исследований в конкретной области» [Савельева, Полетаев, 2010, с. 22].

В рамках данной статьи мы преследовали цель показать стратегии взаимодействия советских и дореволюционных «классиков» на примере рассмотрения первохристианской проблематики. Выбранный нами временной период не случаен. Именно во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. советская историческая наука переживала особый этап своего развития, связанный с обретением ею своего «классического образа» [Корзун, Колеватов, 2006, С. 200], когда марксизм уже занял место единственно верного теоретического базиса для исторической науки, общая схема развития исторического процесса, как и теоретические конструкты для объяснения отдельных сюжетов и явлений были определены, «кадровые вопросы», столь остро стоявшие в начале 1930-х гг., получили свое решение. Применительно к нашей теме это нашло выражение в закреплении в своем «классическом» варианте советской модели изучения первоначального христианства – «каркаса» из основных идей и положений относительно первоначального христианства, выработанных в 1930-е гг. на основе марксистской методологии и разделяемых большинством исследователей в определенный период времени.

Процесс формирования этой модели уходит своими корнями в период дискуссий по вопросам возникновения христианства, развернувшихся в начале 1930-х гг. в Коммунистической академии и выплеснувшихся на страницы журналов. Главным «творцом» данной модели стал А.Б. Ранович, закрепившей ее основные положения в изданной незадолго до начала войны обобщающей монографии «Очерк истории раннехристианской церкви» [Ранович, 1941]. Вместе с тем именно в 1940-е гг. «классическая» советская модель изучения первоначального христианства сталкивается с неожиданным «конкурентом» – идеями дореволюционного «классика» Р.Ю. Виппера, незадолго до войны вернувшегося в СССР по приглашению советского правительства. Именно о взаимодействии «старого классика» Р.Ю. Виппера и «нового классика» А.Б. Рановича и пойдет речь в данной статье.

Р.Ю. Виппер (1859 – 1954) вошел в историческую науку в последней трети XIX в., будучи учеником В.И. Герье. Путь будущего мэтра был тернист, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что он не был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию и вынужден был совмещать научную деятельность с активным преподаванием в средних учебных заведениях

Москвы [Сафронов, 1976, с. 11].

История первоначального христианства не была для Р.Ю. Виппера темой магистерской диссертации, к ней он обратился лишь в первое десятилетие XX в., достигнув устойчивого профессионального положения, и сразу же заявил о себе как серьезном исследователе, принадлежащем к критическому направлению. Разделяя взгляды представителей нового компаративизма, направления, возникшего в западной историографии в начале XX в. на волне провала либерального поиска исторического Иисуса и кризиса позитивистской модели историописания [Schweitzer, 1910, з. 396], Р.Ю. Виппер стремился вписать историю возникновения христианства в контекст религиозного развития древности. Он предстал сторонником панвавилонизма, признав рисуемую Евангелиями картину появления новой религии недостоверной. Появление христианства есть отражение широко распространенной в долине Евфрата в то время идеи поиска божественного искупителя, которым и стал Иисус – мифическая идея, получившая человеческое обличье [Виппер, 1907, с. 16 - 19]. Вся литературная традиция, повествующая о нем, представляет собой не отголоски реальных событий, имевших место в Палестине в I вэ, но отражение веры первых сторонников новой религии. Следовательно, христианство – это продукт коллективного творчества иудейских общин, искавших небесного спасителя после разгрома двух иудейских восстаний. Обогащенное элементами греко-римской культуры, христианство получило широкое распространение в империи, находя своих сторонников среди зажиточных слоев [Виппер, 1918, с. 102].

В последующих монографиях, изданных незадолго до эмиграции, Р.Ю. Виппер окончательно встраивает первохристианство в контекст развития древнего мира, утверждая, что оно является отражением процессов религиозной реставрации, порожденных предшествующим периодом войн и глубоких потрясений [Виппер, 1921, с. 68]. Реставраторы возвращают человеку Бога, отнятого у него революцией, но меняют содержание религии, привнося в него духовность, делая Бога близким и понятным человеку, используя для достижения данной цели прием бытового пересказа космологических мифов. Таков истинный характер дошедших до нас христианских сочинений.

Подобные выводы, выглядевшие весьма оригинально в рамках дореволюционной традиции, оказались созвучны духу времени после Октябрьской революции, обозначившей становление новой марксистской историографии, творцы которой стремились разрушить картину первохристианской истории, восходящую к церковной традиции, и создать новую, «материалистическую», концепцию возникновения данной религии. Казалось бы, идеи Р.Ю. Виппера, также стремившегося отыскать земные корни религиозных явлений, должны были сделать его одним из наиболее авторитетных ученых в формирующейся советской науке. Однако критика марксистских построений в одной из последних монографий историка [Виппер, 1918, с. 7] привела к тому, что Р.Ю. Виппер стал персоной non grata, а его выводы подверглись осуждению со стороны В.И. Ленина, в частности, обвинявшего дореволюционного исследователя в том, что тот «...заявляет прямо смешную и реакционнейшую претензию подняться выше обеих "крайностей": и идеалистической и материалистической» [Ленин, С. 27]. Эмиграция Р.Ю. Виппера в Латвию, где он получил приглашение работать в Рижском университете, спровоцировала новый виток критики, апофеозом которой стали «большие дискуссии» конца 1920 – начала 1930-х гг., позволившие утвердить советскую марксистскую концепцию первохристианской истории через осуждение построений К. Каутского и Р.Ю. Виппера.

А.Б. Ранович (1885 – 1948, настоящая фамилия – Рабинович) принадлежал к совершенно другому поколению историков. Он совмещал в себе качества революционера и ученого классической дореволюционной школы, филолога-классика. Окончив Киевский университет, он долгое время преподавал в средних учебных заведениях, а возможность активно заниматься исследовательской деятельностью получил лишь после того, как вошел в конце 1920-х гг. в Коммунистическую академию. Солидный запас знаний и прекрасная филологическая подготовка в области древних языков выгодно отличали А.Б. Рановича от коллег, чей уровень образования зачастую ограничивался «самообразованием равным высшему образованию» [АРАН. Ф. 355. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 28]. В результате А.Б. Ранович сделал успешную карьеру, став не только теоретиком, но и организатором советской марксистской науки о Древности. В частности, именно ему принадлежала заслуга руководства первым советским специализированным журналом данного профиля – «Вестником древней истории».

Легшая в основу «классической» советской модели изучения первохристианства концепция

А.Б. Рановича сводилась к следующим основным положениям: в соответствии с марксистской методологией любая религия должна изучаться как отражение социально-экономических отношений эпохи, следовательно, христианство есть не что иное, как продукт кризиса рабовладельческой формации, и его возникновение связано с общими настроениями упадка, охватившими все слои населения Римской империи [Ранович, 1939, с. 32; Ранович, 1941, с. 12]. Своим непосредственным появлением новая религия обязана евреям диаспоры, точнее, Малой Азии, где она возникла как реализация давних мессианских чаяний иудеев. Время появления христианства определить очень трудно. Учитывая особенности сохранившихся источников, можно предположить, что данная религия родилась в середине I в. Иисус Христос – личность вымышленная, очеловеченная легенда, ничем не отличающаяся от других умирающих и воскресающих богов древнего мира [Ранович, 1941, с. 43]. В пользу верности данного тезиса говорит и новозаветная литература, отражающая этапы очеловечивания бога, от Апокалипсиса как самого раннего христианского текста до Евангелий как самых поздних. Христианская религия не была оригинальной, поскольку вобрала в себя элементы восточных культов, популярных в империи. Первыми адептами новой религии стали рабы, вольноотпущенники и другие представители низов империи, однако по мере распространения христианства оно включало в свои ряды представителей зажиточных слоев, теряя революционный дух.

Таким образом, в 1930-е гг. расстановка сил в советской науке была такова, что идеи эмигранта Р.Ю. Виппера были осуждены, тогда как концепция ведущего специалиста А.Б. Рановича стала основой советской модели изучения первоначального христианства. Однако в начале 1940-х гг. расстановка сил резко изменилась. Незадолго до начала войны по приглашению советского правительства в СССР из Латвии вернулся Р.Ю. Виппер, который не просто получил возможность продолжить свои исследования на родине [Виппер, 1941; Виппер, 1946; Виппер, 1954]. В 1943 г. ему было присвоено звание академика, а в 1944 и 1945 гг. он был удостоен орденов Трудового Красного знамени и В.И. Ленина. Подобный поворот, подготовленный публикацией в 1937 г. учебника по истории древнего мира, написанного Р.Ю. Виппером [Виппер, 1937], выглядит несколько странно в контексте развития историографического процесса предшествующих десятилетий и требует объяснения от современного историка. Однако проблема возвращения Р.Ю. Виппера в СССР практически не поднималась в отечественной историографии [Володихин, 1999, с. 161; Данилова, 1982, с. 171], во многом в силу отсутствия в распоряжении исследователя документальных свидетельств. В результате можно лишь высказать некоторые соображения на этот счет.

На наш взгляд, возвращение Р.Ю. Виппера в Москву было связано с несколькими факторами. Во-первых, с общим поворотом в научной политике советского государства во второй половине 1930-х гг. Именно тогда происходит «интеллектуальная реабилитация» ряда дореволюционных авторов, сотрудничество с которыми, по замечанию А.А. Формозова, больше импонировало И. В. Сталину, чем взаимодействие с «рожденными бурей» «красными профессорами» [Формозов, 2006, с. 184]. Ко второй половине 1930-х гг. «советизация» науки как в организационном, так и в концептуальном плане стала фактом, что значительно ограничивало возможности развития антимарксистских идей и делало «старых» ученых достаточно «безвредными» для «исторического фронта». Во-вторых, не стоит забывать и о политической стороне подобной акции. Возвращение из Латвии, вошедшей в 1940 г. в состав СССР, опального ученого и предоставление ему возможности продолжать исследования могло позитивно сказаться на имидже СССР на международной арене. В-третьих, во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., когда начинаются изменения в науке, связанные с поворотом в сторону более глубокого анализа источников, опыт Р. Ю. Виппера как источниковеда «старой школы», еще до революции предлагавшего оригинальные датировки первохристианских памятников, оказался востребован. В-четвертых, сам дореволюционный историк высоко оценивал те условия для исследовательского поиска, которые были созданы, по его мнению, в СССР. Материалы личного архива недвусмысленно свидетельствуют, что Р. Ю. Виппер, сравнивая условия для развития критического направления в изучении первохристианства в Российской империи и СССР, отдавал предпочтение последнему [АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 42. Л. 15].

Однако каково было действительное положение, которое Р.Ю. Виппер занял в структуре советской науки? Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо определить отношения между интересующим нас исследователем и «классиком» советской науки А. Б. Рановичем. Но, прежде чем

мы обратимся к данному сюжету, необходимо установить, насколько изменилась исследовательская концепция Р. Ю. Виппера в 1940-е – начале 1950-х гг. Фактически мы можем говорить о том, что историк остался верен прежней схеме возникновения христианской религии, дополнив высказанные им ранее идеи, близкие построениям мифологической школы, декларированием приверженности марксистским теоретическим разработкам [Виппер, 1941, с. 64]. Деконструируя христианскую традицию и отказываясь рассматривать раннехристианские документы в качестве подлинных источников по истории христианства I в., Р. Ю. Виппер настаивал на том, что перед нами синкретичная религия, созданная не под влиянием основателя, отвечавшая интересам сначала низших трудовых классов, а затем зажиточного населения империи. Иными словами, мифологическое ядро учения Р. Ю. Виппера получило марксистское обрамление.

Публикации Р. Ю. Виппера вызвали закономерный интерес А. Б. Рановича, напечатавшего в 1947 г., незадолго до своей смерти, рецензию на монографию «Возникновение христианской литературы» [Ранович, 1947]. Отмечая безусловные достоинства монографии, состоящие в талантливости литературного анализа и определении причин историзации Христа, рецензент указывал на ряд значительных недостатков: неудачное разделение на дохристианский и христианский периоды, создающее у читателя ложное впечатление о принадлежности «Апокалипсиса» к первому периоду; непрочные основания предлагаемых датировок христианских текстов; неверное представление о «веке Антонинов» как «веке просвещенном», стирающее классовые противоречия эпохи; отстаивание весьма сомнительного вывода о влиянии Плутарха на евангелистов; наконец, неверные выводы относительно социальной программы «Евангелия от Луки». Однако в целом, как мы видим, А. Б. Ранович не оспаривает марксистский, в советском понимании, характер концепции Р. Ю. Виппера. Более того, в неопубликованном отзыве о нескольких главах новой монографии советский «классик» был еще более осторожен в критических высказываниях и завершил свою работу пожеланием исправить отдельные недостатки в труде Р. Ю. Виппера, что позволит включить выдвинутые им идеи в общую марксистскую концепцию раннего христианства [АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 125. Л. 1]. Иными словами, А. Б. Ранович критиковал именно мифологический пласт концепции Р. Ю. Виппера, в целом признавая заслуги данного автора и значимость его идей для советской науки.

А. Б. Рановичу вторили и другие признанные советские мэтры, подчеркивая заслуги «видного советского историка» в разработке проблемы происхождения христианства и высоко оценивая его монографию. Именно такой характер носит, к примеру, рецензия В. И. Дьякова на работу Р. Ю. Виппера «Рим и раннее христианство», которая для рецензента является «необыкновенно богатой по содержанию, свежей по своим установкам и выводам, актуальной, можно сказать даже боевой по поставленным и решаемым проблемам, написанной в строгом соответствии с марксистско-ленинским учением...» [АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 121. Л. 18].

Р. Ю. Виппер не выступал в печати с ответным словом А. Б. Рановичу и не высказывал в своих монографиях никаких замечаний относительно работ советского «классика». Однако материалы Архива РАН содержат любопытные отзывы дореволюционного историка о своем коллеге. Р. Ю. Виппер не просто воспринимал А. Б. Рановича как единственного советского историка раннего христианства, но заимствовал именно из его монографии 1941 г. основы марксистского учения, о чем красноречиво свидетельствуют выписки из указанного издания, вошедшие в текст статьи «Возникновение христианства» [АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 68. Л. 26]. Данный факт тем более любопытен, что, судя по сохранившимся материалам, Р. Ю. Виппер вовсе не обращался к литературе на русском языке, а работал исключительно с монографиями западных коллег [АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 57; Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 68].

Сказанное наталкивает нас на размышления о разных стратегиях присвоения, применяемых Р. Ю. Виппером и А. Б. Рановичем в отношении друг друга с одной и той же целью – упрочить собственное положение в институциональном пространстве советской науки, опираясь на авторитет своего оппонента, легитимизирующего отстаиваемые автором идеи. Или, используя иную терминологию, можно говорить о снятом противостоянии, когда несовпадение научных позиций сопровождается необходимостью декларировать взаимную идейную близость. Объяснение подобных процессов надо искать в соображениях как внеучного, так и научного толка. В первом случае речь идет о возможной шаткости положения обоих историков: А. Б. Рановича как еврея (стоит иметь в виду, что ряд идеологических кампаний второй половины 1940-х гг., особенно с началом борьбы с космополитизмом, несли на себе печать антисемитизма), Р. Ю. Виппера как все-таки

бывшего эмигранта и бывшего противника советской власти, хотя и ставшего одним из «любимых историков И. В. Сталина». Во втором случае стоит обратить внимание на факт принятия Р. Ю. Виппером «классической» советской модели изучения первохристианства, использованной им в качестве базы для построения собственной концепции развития христианской религии. Значение факта принятия дореволюционным автором с мировым именем «классической» советской модели весьма велико: таким образом Р. Ю. Виппер придавал ей весомость и значимость, что отвечало общему стремлению И. В. Сталина закрепить разработанные советскими авторами схемы, «освятив» их авторитетом дореволюционных историков. Более того, Р. Ю. Виппер не просто закрепил модель, приняв ее основные положения, но одновременно повысил научный авторитет ее создателя, окончательно утвердившегося в статусе «классика», чьи выводы сопоставимы с разработками ведущих мировых ученых. Сам же Р. Ю. Виппер, признанный «своим» ведущим советским исследователем, о котором он отзывался весьма высоко, получил возможность развивать свои взгляды, скрывая под маской марксизма прежние идеи, подвергшиеся разгромной критике В. И. Ленина.

Косвенным подтверждением снятого противостояния может стать вводное слово к сборнику трудов А. Б. Рановича, принадлежащее его ученику А. Я. Ленцману. В нем значительное место было отведено выяснению вопроса об идейной близости выводов А. Б. Рановича и Р. Ю. Виппера. Складывается впечатление, что А. Я. Ленцман стремился «защитить» своего учителя, обозначив его роль в складывании марксистского подхода к анализу первохристианской истории [Ленцман, 1959, с. 7 – 38].

В заключение хотелось бы отметить, что позитивный для самого А. Б. Рановича и отстаиваемых им идей факт принятия «классической» советской модели изучения первоначального христианства Р. Ю. Виппером затормозил развитие советской историографии первохристианства в целом, обеспечив отставание советских историков от зарубежных коллег. В отечественной науке были законсервированы выводы, сформулированные западными исследователями в начале XX в., тогда как новейшие достижения игнорировались как несостоятельные, ведь высшим достижением развития данной отрасли знания была марксистская историография. Приняв правила игры и поддержав устоявшиеся в советской науке мнения, Р. Ю. Виппер внес свою лепту в данный процесс. Впрочем, вопрос о том, мог ли он поступить иначе, остается на сегодняшний день открытым.

Примечания

¹ Статья написана при финансовой поддержке Президента Российской Федерации, грант № МК-3461.2012.6.

Библиографический список

- Виппер Р. Ю.* Учебник древней истории. М., 1900.
Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908.
Виппер Р. Ю. С востока свет: публичная лекция, прочитанная в Москве 2 ноября 1906 г. М., 1907.
Виппер Р. Ю. Возникновение христианства. М., 1918.
Виппер Р. Ю. Судьба религии. Берлин; Пг., 1921.
Виппер Р. Ю. Учебник древней истории. 12-е изд. М., 1937.
Виппер Р. Ю. Возникновение христианства // ВДИ. 1941. №1.
Виппер Р. Ю. Возникновение христианской литературы. М.;Л., 1946.
Виппер Р. Ю. Рим и раннее христианство. М., 1954.
Виппер Р. Ю. Методы и проблемы в изучении истории возникновения христианства: Предисловие к монографии «Рим и раннее христианство» // АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 42.
Виппер Р. Ю. Римская история и христианство I – II вв. н.э. Ч. I. Материалы (выписки, конспекты, заметки) // АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 57.
Виппер Р. Ю. История христианства, материалы, выписки, конспекты // АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 68.
Володихин Д. М. Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2.
Данилова А. П. Р. Ю. Виппер как историк античности // ВДИ. 1984. № 1.
Дьяков В. И. Отзыв о монографии «Культура Римской империи и возникновение христианства» // АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 121.
Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX-XX вв.: анализ отечеств. историогр. концепций. Екатеринбург; Омск, 2000.
Корзун В. П., Колеватов Д. М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, равняйся!») // Мир историка. Омск, 2006. Вып. 2.
Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленцман Я. А. А. Б. Ранович как историк раннего христианства // Ранович А. Б. О раннем христианстве: сб. трудов. М., 1959.

Личные дела сотрудников и аспирантов Института научной философии РАНИОН, Института философии Комкадемии и Института Философии АН СССР на букву "Л": Лapidус И. А.; Лебедев П. И.; Летунов В. В.; Лившиц М. А.; Лившиц С. Ф.; Лукачевский А. Т. // АРАН. Ф. 355. Оп. 3. Ед. хр. 35.

Ранович А. Б. Первоначальное христианство и его историческая роль // ВДИ. 1939. № 2.

Ранович А. Б. Очерк истории раннехристианской церкви. М., 1941.

Ранович А. Б. Рец. на: Виппер Р. Ю. Возникновение христианской литературы. М.;Л., 1946 // ВДИ. 1947. № 3.

Ранович А. Б. Отзыв о главах «Пастырь Гермы» и «Предшественники новозаветного христианства» монографии «Возникновение христианской литературы» // АРАН. Ф. 1562. Оп. 1. Ед. хр. 125.

Савельева И. М., Полетаев А. В. Классическое наследие. М., 2010.

Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976.

Свешников А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: Попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010.

Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трех поколений историков. М., 2008.

Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографические очерки. М., 2006.

Schweitzer A. The Quest of the Historical Jesus: A Critical Study of Its Progress from Reimarus to Wrede. London, 1910.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.08.2012

THE ISSUE OF CHRISTIANITY'S ORIGIN IN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE 1940S: THE INTERACTION OF "OLD" AND "NEW" CLASSICS

O.V. Metel

Omsk State University, Dmitriev $\frac{3}{4}$ st, 52, 644123, Omsk, Russia
olgametel@yandex.ru

The article focuses on the problem of interaction between "old" and "new" classics in the field of Soviet History through the example of A. B. Ranovich and R. Ju. Vipper's strategies of appropriation. The author shows interaction strategies of the historians in the intellectual and socio-cultural context of the epoch. The concept of "a classic" allows to determine the position of those historians in the structure of academic networks of the period. The author concludes that the historians tried to legitimize their views by using the authority of each other and strengthening their positions as scholars. A. B. Ranovich as a "classic" of Soviet school of Ancient History admitted the ideas of pre-revolutionary scholars which allowed the Soviet model of early Christianity's history to strengthen its position and the status of its creator. In turn the recognition of Soviet ideas by R. Ju. Vipper allowed him as a former emigrant to become stronger in the framework of Soviet academic space. Archive sources have particular importance for this research because they allow to draw conclusions about the relationship between A. B. Ranovich and R. Ju. Vipper, which could not be obtained through the analysis of their published works.

Key words: Soviet Historiography, personalities of local historians, academic classics, early Christianity.

References

Vipper R. Yu. Uchebник drevnej istorii. М., 1900.

Vipper R. Yu. Ocherki istorii Rimskoj imperii. М., 1908.

Vipper R. Yu. S vostoka svet: publichnaya lektsiya, pročitannaya v Moskve 2 noyabrya 1906 g. М., 1908.

Vipper R. Yu. Vozniknovenie khristianstva. М., 1918.

Vipper R. Yu. Sud'ba religii. Berlin; Pb, 1921.

Vipper R. Yu. Uchebник drevnej istorii. 12-e izd. М., 1937.

Vipper R. Yu. Vozniknovenie khristianstva // VDI. 1941. №1. S. 64 – 86.

Vipper R. Yu. Vozniknovenie khristianskoj literatury. М.;Л., 1946.

Vipper R. Yu. Rim i rannee khristianstvo. М., 1954.

Vipper R. Yu. Metody i problemy v izuchenii istorii vozniknoveniya khristianstva: Predislovie k monografii «Rim i rannee khristianstvo» // АРАН. F. 1562. Оп. 1. Ед. кhr. 42.

Vipper R. Yu. Rimskaya istoriya i khristianstvo I – II vv. n.e. Ch. I. Materialy (vypiski, konspekty, zametki) // АРАН. F. 1562. Оп. 1. Ед. кhr. 57.

Vipper R. Yu. Istoriya khristianstva, materialy, vypiski, konspekty // АРАН. F. 1562. Оп. 1. Ед. кhr. 68.

- Volodikhin D. M.* Kritika teorii progressa v trudakh R. Yu. Vippera // VI. 1999. № 2.
- Danilova A. P.* R. Yu. Vipper kak istorik antichnosti // VDI. 1984. № 1.
- D'yakov V. I.* Otzyv o monografii «Kul'tura Rimskoj imperii i vzniknovenie khristianstva» // ARAN. F. 1562. Op. 1. Ed. khr. 121.
- Korzun V. P.* Obrazy istoricheskoy nauki na rubezhe XIX-XX vv.: analiz otechestv. istoriogr. kontseptsij. Ekaterinburg; Omsk, 2000.
- Korzun V. P., Kolevatov D. M.* Sotsial'nyj zakaz i transformatsiya obraza istoricheskoy nauki v pervoe poslevoennoe desyatiletie («Na klassikov, rovnyajs'!») // Mir istorika. Omsk, 2006. Vyp. 2. S. 199 – 244.
- Lenin V. I.* O znachenii voinstvuyushchego materializma // Polnoe sobranie sochinenij. T. 45.
- Lentsman Ya. A. A. B.* Ranovich kak istorik rannego khristianstva // Ranovich A. B. O rannem khristianstve: sb. trudov. M., 1959.
- Lichnye dela sotrudnikov i aspirantov Instituta nauchnoj filosofii RANION, Instituta filosofii Komakademii i Instituta Filosofii AN SSSR na bukvu "L": Lapidus I. A.; Lebedev P. I.; Letunov V. V.; Livshits M. A.; Livshits S. F.; Lukachevskij A. T. // ARAN. F. 355. Op. 3. Ed. khr. 35.
- Ranovich A. B.* Pervonachal'noe khristianstvo i ego istoricheskaya rol' // VDI. 1939. № 2.
- Ranovich A. B.* Ocherk istorii rannekhristianskoj tserkvi. M., 1941.
- Ranovich A. B.* Rets. na: Vipper R. Yu. Vzniknovenie khristianskoj literatury. M.;L., 1946 // VDI. 1947. № 3.
- Ranovich A. B.* Otzyv o glavakh «Pastyr' Germy» i «Predshestvenniki novozavetnogo khristianstva» monografii «Vzniknovenie khristianskoj literatury» // ARAN. F. 1562. Op. 1. Ed. khr. 125.
- Savel'eva I. M., Poletaev A. V.* Klassicheskoe nasledie. M., 2010.
- Safronov B. G.* Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya. M., 1976.
- Sveshnikov A. V.* Peterburgskaya shkola medievistov nachala XX veka popytka antropologicheskogo analiza nauchnogo soobshchestva. Omsk, 2010.
- Sidorova L. A.* Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX veka: Sintez trekh pokolenij istorikov. M., 2008.
- Formozov A. A.* Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskie ocherki. M., 2006.
- Schweitzer A.* The Quest of the Historical Jesus: A Critical Study of Its Progress from Reimarus to Wrede. London, 1910.